

УДК 347.7

ДЕЙСТВИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ЗАКОНА НА ПРОБЛЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: КОНФЛИКТ ЮРИСДИКЦИЙ

О. П. ПЕЧЕНЬИЙ,

канд. юрид. наук,

*доцент кафедры гражданского права № 1,
Национальный юридический университет Украины
имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков*

Проанализированы проблемы действия наследственного закона на территориях, имеющих спорный правовой статус. С учетом положений международно-правовых документов, законодательства Украины и Российской Федерации освещены вопросы осуществления и защиты наследственных прав.

Ключевые слова: наследственное право, наследство, защита, наследники.

Гражданское право как универсальный регулятор целостного массива неимущественных и имущественных отношений существует в конкретных социально-экономических и общественно-политических условиях, которые с различной степенью положительности воздействуют как на гражданское право, так и такой его сегмент как наследственное. С. С. Алексеев указывает на необходимость учитывать в содержании и применении гражданских кодексов принципиальные особенности экономико-социального развития. Среди таких особенностей известный ученый, теоретик права и цивилист называет *потребность обеспечения безопасности общества и каждого человека*. В силу целого спектра причин возникают обстоятельства, когда известное оправдание находят силовые методы организации политической и экономико-социальной жизни. Но это по самой природе рассматриваемых отношений не должно влиять на полноту и чистоту гражданско-правового регулирования, оставляя указанные ситуации для публично-правовых решений [1]. Мнение авторитетного ученого, безусловно, ценно, в первую очередь, в силу своей

своевременности и актуальности, особенно с учетом не всегда положительно характеризующихся событий последнего времени в жизни российского и украинского государств, когда вопросы безопасности личности, государства и гражданско-правового оборота приобрели остроту, не имеющую, к большому сожалению, тенденции к снижению. Поводом коснуться данных вопросов через призму действия наследственного закона и осуществления наследственных прав стало видение проблем действия российского и украинского наследственных законов на территории АР Крым и г. Севастополя, изложенное известным специалистом в области российского наследственного права О. Е. Блинковым в работе [2]. Вместе с тем, будучи убежденным сторонником методологического и содержательного плюрализма в юридической науке, считаем необходимым изложить собственные суждения по отдельным из поднятых в статье вопросам.

Начиная с марта 2014 г. в Украине вследствие действия агрессивных факторов внешнего и внутреннего характера происходят территориальные изменения, которые ни в коей мере не обусловлены сколь-нибудь приемлемым и юридически значимым решением украинского государства. Следствием таких «изменений» стало появление в составе Украины территорий, которые можно дипломатично обозначить как территории со спорным статусом. Это, в первую очередь, АР Крым и г. Севастополь, определенные признаки «спорности» устойчиво характеризуют отдельные районы Донецкой и Луганской областей Украины.

Следует остановиться на проблемах современного правового статуса АР Крым и г. Севастополя. Несмотря на то, что законодательными актами Российской Федерации, в частности, положениями Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от

21.03.2014 г. № 6-ФКЗ, предусмотрено принятие данных территорий Российской Федерации с даты подписания Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, позволим себе воздержаться от однозначно положительной юридической оценки данного факта и высказать ряд соответствующих аргументов.

В ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г. основаниями принятия в Российскую Федерацию указанных территорий названы результаты общекрымского референдума, проведенного 16.03.2014 г. в АР Крым и г. Севастополе, а также Декларация о независимости АР Крым и г. Севастополя. Правомерность таких оснований достаточно сомнительна, Конституционный Суд Украины дважды обращался к вопросу об их конституционности. Решением Конституционного Суда Украины от 14.03.2014 г. № 2-рп/2014 признано неконституционным постановление Верховной Рады АР Крым от «О проведении общекрымского референдума» 06.03.2014 г. № 1702-6/14 [3], которое утратило силу со дня принятия решения Конституционным Судом Украины. Поэтому на момент подписания Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым от 18.03.2014 г. о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов и принятия Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г., постановление Верховной Рады АР Крым «О проведении общекрымского референдума» от 06.03.2014 г. № 1702-6/14 утратило силу. Тот факт, что референдум, проведенный 16.03.2014 г. в АР Крым и г. Севастополе, не был санкционирован Украиной, отмечается в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины, принятой 27.03.2014 г. [4].

Кроме того, Решением Конституционного Суда Украины от 20.03.2014 г.

признано неконституционным и утратившим силу со дня принятия Решения также и постановление Верховной Рады АР Крым «О Декларации о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя» от 11.03.2014 г. № 1727-6/14.

Даже при формально-юридическом подходе два указанных основания включения в состав РФ данных территорий Украины выглядят далеко небезупречно, поскольку до момента проведения референдума признаны юридически несостоятельными. Третьим основанием принятия в состав РФ Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ называет сам себя, то есть собственно «данный Федеральный конституционный закон», что вообще выглядит нелогичным.

Добавим, что оформленное Федеральным конституционным законом от 21.03.2014 г. присоединение новых территорий противоречит международным договорам Российской Федерации и Украины, в частности Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией от 31.05.1997 г. [5], который ратифицирован со стороны РФ Федеральным законом от 02.03.1999 г. № 42-ФЗ и вступил в силу с 01.04.1999 г.

В соответствии со ст. 2 Договора стороны уважают территориальную целостность друг друга и подтверждают нерушимость существующих между ними границ. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, то есть установлен безусловный приоритет норм международных договоров над нормами внутреннего законодательства.

Включение в состав РФ Крыма и г. Севастополя не получило ни международного, ни зарубежного признания, соответственно для других стран

и их юрисдикций, в том числе в сфере наследственного права, применение на данных территориях российского законодательства не будет иметь правовых последствий, в том числе и в части отношений собственности и наследования. В мире территорий с проблемным статусом насчитывается порядка 70 и проблема защиты собственности и других имущественных прав на данных территориях периодически возникает с различной степенью остроты и уже была предметом рассмотрения различных судебных инстанций, в первую очередь Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). В связи с этим интерес представляет практика ЕСПЧ в отношении спорных территорий в Европе, в частности на Кипре, который уже длительное время разделен на греческую и турецкую части. Заявительница обратилась в Европейский Суд, указав, что с начала турецкой оккупации северной части страны ей было отказано в доступе к собственности. Соответственно, она была лишена возможности распоряжаться ею по своему усмотрению. В Решении Лоизиду (Loizidou) против Турции [6] суд признал нарушением ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод отказ в праве доступа к собственности на территории оккупированной части Кипра, в силу чего заявительница фактически полностью утратила над ней контроль, равно как и возможность пользоваться собственностью (земельным участком). Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что турецкой стороной не было объяснено, каким образом необходимость расселения турков-киприотов, перемещенных из южных районов страны в 1974 г. на Кипр, может служить оправданием полного отрицания прав заявительницы на ее собственность, которое приняло форму категорического и длящегося отказа в доступе к собственности с целью последующей ее экспроприации без предоставления компенсации. Суд признал законное право собственности заявительницы на землю и констатировал, что в настоящем деле имело место и продолжает существовать нарушение ст. 1 Протокола № 1.

Данное решение примечательно тем, что может быть прологом к аналогичным искам к РФ не только в отношении оккупированных территорий Крыма и г. Севастополя, но и отдельных регионов Луганской и Донецкой областей Украины, администраторы которых действуют под контролем Российской Федерации.

Украина в законодательном плане отреагировала на «недружественные» действия по присоединению территорий достаточно оперативно, хотя, чего нельзя не признать, недостаточно результативно.

19.03.2014 г. в Верховную Раду Украины был внесен законопроект «Об обеспечении прав и свобод граждан на временно оккупированной территории Украины» [7], принятый в качестве Закона Украины 15.04.2014 г. и вступивший в силу 27.04.2014 г.

При этом Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан на временно оккупированной территории Украины» и в силу предпосылок и обстоятельств принятия, и по содержанию, имеет существенное сходство с Законом Грузии от 23.10.2008 г. «Об оккупированных территориях», целью которого является определение статуса территорий, оккупированных в результате военной агрессии Российской Федерации, установление особого правового режима на этих территориях [8].

В соответствии со статьями 1, 3 Закона Украины АР Крым и г. Севастополь признаны временно оккупированной территорией Украины, на которую распространяется действие Конституции и законов Украины.

Для сферы частного-правового регулирования и наследственного права существенное значение имеют положения ст. 9 Закона, в соответствии с которой какие-либо органы, их должностные и служебные лица на временно оккупированной территории считаются незаконными, если эти органы и должностные лица были созданы, избраны или назначены в порядке, не предусмотренном законом. Соответственно, какие-либо акты, решения и

документы нелегитимных органов (должностных лиц) считаются недействительными и не создают правовых последствий (части 1-3 ст. 9 Закона). Статья 11 Закона регулирует вопросы собственности и устанавливает правовой режим имущества на временно оккупированной территории. За физическими лицами, независимо от приобретения ими статуса беженца или другого специального статуса, а также юридическими лицами, сохраняется право собственности или иные вещные права на имущество, находящееся на временно оккупированной территории, если оно приобретено в соответствии с законами Украины. Приобретение и прекращение права собственности на недвижимое имущество, находящееся на временно оккупированной территории, осуществляется в соответствии с законодательством Украины *за пределами* временно оккупированной территории. В то же время на спорной территории любая сделка, в том числе в отношении земельных участков, совершенная с нарушением требований данного Закона и других законов Украины, считается недействительной с момента совершения и не создает юридических последствий, кроме тех, которые связаны с его недействительностью (ч. 5 ст. 11 Закона).

Мы далеки от утверждений, что с принятием Закона в Украине будут разрешены все или большинство политико-правовых проблем, связанных с событиями в Крыму и на юго-востоке Украины. Да и само качество Закона остается невысоким. Образно говоря, юридический пейзаж в связи с Законом остается достаточно унылым, хотя и поставленная перед законодателем задача не может быть отнесена к простым.

В частности, при подготовке законопроекта обращалось внимание на неточность терминологии при использовании понятий «оккупация» и «аннексия». Международно-правовыми документами, Гаагскими (1899 и 1907 гг.) и Женевской (1949 г.) конвенциями оккупация рассматривается как временное пребывание военных сил одного государства на территории другого

в условиях войны между ними, при этом включение оккупированной территории в состав государства-оккупанта и соответственно юридически значимое изменение статуса территории не представляется возможным. В тоже время аннексия представляет собой насильственное присоединение государством всей или части территории другого государства в одностороннем порядке. Любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее относится к агрессии в соответствии с определением агрессии, утвержденным резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. [9], влекущее международную ответственность государства оккупанта. То есть при фактически имевшей место аннексии, украинский законодатель счел возможным квалифицировать происшедшие события как временная оккупация. Вместе с тем, данный недостаток Закона имеет скорее технико-юридическое, чем сущностное значение, поскольку на применении Закона на территории АРК и г. Севастополя никак не отражается.

Помимо терминологических противоречий, Закон содержит целый ряд других недоработок, в частности, никак не урегулированы вопросы наследования на временно оккупированных территориях, хотя к законопроекту были высказаны соответствующие замечания.

Так, в заключении Главного научно-экспертного управления Верховной Рады Украины содержалось предложение предусмотреть в Законе особенности приобретения права собственности на временно оккупированной территории в случае наследования, чего при принятии Закона сделано не было [10].

Вместе с тем, несмотря на нарушение Конституции РФ, Конституции Украины и международных договоров, непризнание международным сообществом и другими государствами, де-факто Крым и г. Севастополь пребывают в составе РФ, с чем нельзя не считаться.

В силу положений приведенного Закона Украины, приобретение права собственности, других прав и обязанностей в порядке наследования, если

наследство открылось на территории АР Крым и г. Севастополя, не может иметь места иначе, как в соответствии с законодательством Украины, в частности, Кн. 6 ГК Украины. Соответственно, наследственное преемство, оформленное на основании Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г. в соответствии разд. V ч. 3 ГК РФ юридических последствий, например в виде возникновения у наследников права собственности на наследственное имущество, не влечет. Поскольку такие права не признаны ни Украиной, ни другими странами, они не могут быть соответствующим образом реализованы и защищены.

В соответствии с положениями действующей для Украины и РФ Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск, 22.01.1993 г.) право наследования имущества, определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное место жительства. При этом право наследования недвижимого имущества определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится это имущество (ст. 45 Конвенции). Аналогичное положение содержится в ч. 1 ст. 1224 ГК РФ.

Поэтому в случае открытия наследства после смерти лица, имевшего постоянное место жительства на территории АР Крым и г. Севастополя, возникшие наследственные отношения регулируются гражданским законодательством Украины. В случае, если в наследственную массу входит недвижимое имущество, находящееся на территории РФ или другого государства – участника Конвенции, применяется гражданское законодательство соответствующего государства.

Российский законодатель, что нашло отражение в нормах Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г., исходит из необходимости применения на присоединенных территориях в большинстве случаев норм

российского наследственного закона. Однако и при такой трактовке полностью исключить применение материального права Украины не представляется возможным. Ведь наследственное правоотношение – отношение, длящееся и его возникновению и динамике применимы общие положения о действии закона во времени. Соответственно, если наследство открылось и было принято кем-либо из наследников до 18.03.2014 г., применяется гражданское законодательство Украины. То есть, к наследственным правоотношениям, возникшим до указанной даты, применяется гражданское законодательство Украины [11].

В случае, когда наследство открылось и не было принято никем из наследников и срок его принятия не истек, то в силу положений Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г., возможно применение материального права и оформление наследственных прав в соответствии с ГК РФ. Рекомендации по применению российского наследственного закона, данные автором в указанной статье, вполне объяснимы, однако не могут быть приняты как в силу соображений принципиального характера о неприемлемости юрисдикции РФ в АР Крым и г. Севастополе, так и по иным соображениям. Так, нельзя согласиться с тем, что применяя наследственное право Украины нотариусы и другие субъекты правоприменения могли произвольно «перечеркивать» акты последней воли лиц, изложенные в совместном завещании супругов (ст. 1243 ГК Украины) и наследственном договоре (статьи 1302-1308 ГК Украины), поскольку прямо противоречат российскому законодательству и их применение, по мнению автора «создало бы прецедент появления на российском гражданско-правовом поле двойных стандартов» [12]. Учитывая, что названные и другие обстоятельства ставят перед наследниками, органами нотариата и судами массу вопросов, решение которых усложнено вследствие различий в материально-правовом регулировании наследственных отношений в различных юрисдикциях, следует

отметить следующее [13].

Во-первых, отличия российского и украинского наследственных законов в приведенных автором и некоторых других случаях (например, наличие в ст. 1242 ГК Украины возможности составления завещания с условием, не предусмотренного ГК РФ) не носят характера противоречий и уже тем более не подрывают базовых принципов наследственного права. Если уж нормы гражданского законодательства Украины будут применяться как нормы иностранного права, то следует обратить внимание, что в соответствии со ст. 1193 ГК РФ ограничение в применении таких норм связано не с тем обстоятельством, что российскому гражданскому законодательству не известны соответствующие конструкции и в его статьях отсутствуют аналогичные положения, а с тем, что последствия применения нормы иностранного права вступили в явное противоречие с публичным порядком Российской Федерации. Ограничение в применении норм иностранного права возможно лишь в исключительных случаях. Как видим, речь не идет о каких-то умозрительных «двойных стандартах». Более того, для коллизионного регулирования ситуация не тажж уж исключительная. Так, институт совместного завещания супругов известен помимо Украины праву стран common law, Германии, в Польше и Италии – это односторонний и односубъектный акт, а французский ГК прямо запрещает совместные и взаимные завещания [14].

Во-вторых, представление автора об отдельных конструкциях, известных законодательству Украины, представляется несколько искаженным и не отражает их сути. Так, наследственный договор не может рассматриваться исключительно в качестве распоряжения имуществом на случай смерти. Это приобретателя и отчуждателя, по которому приобретатель обязуется выполнять определенные действия имущественного или неимущественного характера как при жизни отчуждателя, так и после смерти и в случае смерти приобретает право собственности на указанное в договоре имущество. Переход имущества к

приобретателю по наследственному договору не является наследованием и нормы наследственного права (например, об обязательной доле в наследстве) к нему не применяются. Поэтому само по себе размещение главы о наследственном договоре в Кн. 6 ГК Украины «Наследственное право» не более чем условность. С таким же успехом можно было бы назвать распоряжением на случай смерти и договор пожизненного содержания с иждивением (ст. 601 ГК РФ). В-третьих, предложенное решение в виде перечеркивания (неприменения) отдельных актов волеизъявления наследодателя как раз и создаст угрозу публичному порядку и гражданско-правовому обороту, поскольку будут произвольно, без достаточных причин и оснований, нарушены основные принципы, такие как свобода договора и свобода завещания. Поэтому не видим оснований, чтобы не были применены нормы гражданского законодательства Украины о совместном завещании супругов и наследственном договоре.

К сожалению, законодательством Украины, в частности нормами упомянутого закона, никак не предусмотрено процедурной возможности принятия наследства и осуществления наследственных прав на территории АРК и г. Севастополя в соответствии с законодательством Украины. Так, если юрисдикция судов Украины, осуществлявших правосудие на данных территориях, передана судебным органам других территорий (г. Киева), то вопрос о полномочиях нотариусов, в том числе и по ведению наследственных дел, никак не урегулирован, что нельзя считать правильным.

Ситуация не нова, несмотря на видимую экзотичность данной проблемы, в цивилистической науке интерес к действию и применению гражданского законодательства в условиях оккупации поднимался учеными при анализе общей картины права в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В первую очередь следует упомянуть известную коллективную работу «Вопросы гражданского и трудового права периода Великой отечественной

войны» [15], в которой судя лишь по фамилиям авторов (Д. М. Генкин, К. К. Яичков, К. А. Граве, И. Б. Новицкий, В. А. Рясенцев и др.) наука гражданского права была представлена ведущими учеными представителями. Авторы указывали на то, что война и вызванные ею изменения мирного строительства на военный лад влекли существенные изменения во всех сферах, в том числе и в гражданско-правовых отношениях. Задача теории и практики гражданского права – учесть эти изменения [16]. Война и оккупация территории государства неприятелем оказали влияние на отношения собственности, обязательственные отношения и возмещение ущерба, гражданско-правовую ответственность и основания освобождения от нее, безвестное отсутствие и порядок наследования. В сфере наследственных правоотношений возник вопрос о юридической квалификации срока принятия наследства и возможности его приостановления вследствие обстоятельств военного времени.

Война, коренным образом изменившая обычные условия жизни, поставила вопрос о необходимости в ряде случаев трактовать в условиях войны сроки, прежде считавшиеся пресекательными, как давностные, а следовательно, допускать их приостановление, и продление. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 15.09.1942 г. № 15/М/16/у указал на возможность приостановления срока принятия наследства до прекращения соответствующих обстоятельств [17]. Разделяя позицию Верховного Суда СССР, Д. М. Генкин отмечал, что приостановление вызывает не война сама по себе, а те или иные конкретные обстоятельства, вызванные войной, препятствующие реализации права путем подачи заявления и пр. Такими обстоятельствами могут быть эвакуация, нахождение на временно оккупированной территории и пр. Будучи солидарной с приведенными изменениями Н. В. Рабинович в качестве оснований для приостановления называла также нахождение наследодателя в армии, проживание на территории временно занятой неприятелем, эвакуация в

связи с обстоятельствами военного времени на период до прекращения соответствующих обстоятельств [18]. При этом важно ограничивать приостановление и продление срока, поскольку первое имеет место в силу закона, а второе зависит от усмотрения суда.

Поэтому такой подход может быть применен и к современной ситуации, хотя конечно не решит всех проблем, связанных с открытием наследства на спорных территориях.

Список литературы:

1. *Алексеев С. С.* Современное гражданское право – знак и ключевое звено новой эпохи / С. С. Алексеев // Проблемы развития частного права : сб. ст. к юбилею В. С. Ема / отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. – М. : Статут, 2011. – С. 134–143.
2. *Блинков О. Е.* Действие российского и украинского наследственного законодательства в пространстве территорий республики Крым и города федерального значения Севастополя / О. Е. Блинков // Наследственное право. – 2014. – № 3. – С. 3–6.
3. Рішення Конституційного Суду України від 14 березня 2014 р. № 2-рп/2014 у справі за конституційними поданнями виконуючого обов'язки Президента України, Голови Верховної Ради України та Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини щодо відповідності Конституції України (конституційності) Постанови Верховної Ради Автономної Республіки Крим «Про проведення загальнокримського референдуму» (справа про проведення місцевого референдуму в Автономній Республіці Крим) [Електронний ресурс]. – [Режим доступу] : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v002p710-14>.
4. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/68/262 от 27.03.2014 г. // http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&Lang=R
5. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией от 31 мая 1997 г. // Собрание законодательства РФ от 17 мая 1999 г. – 1999. – № 20. – Ст. 2413.
6. Лоизиду (Loizidou) против Турции. Решение Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 1996 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. – М. : НОРМА, 2000 [Электронный ресурс]. – <http://www.echr.ru/documents/doc/2461486/2461486.htm>.
7. Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України : Закон України від 15.04.2014 р. № 1207-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 26. – Ст. 892.
8. Об оккупированных территориях [Электронный ресурс] : Закон Грузии от 23.10.2008 г. – Режим доступа: <http://www.smr.gov.ge/docs/doc222.pdf>.
9. Определение агрессии: утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1974 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, двадцать девятая сессия, Приложение № 31, стр. 181-182.
10. Висновок Головного науково-експертного управління ВР України від 20.03.2014 р. [Електронний ресурс]. – http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50320.
11. Вопросы гражданского и трудового права периода Великой отечественной войны / под. ред. И. Т. Голякова, редкол. : С. Н. Братусь, Е. А. Флейшиц. Ученые записки ВИЮН.

Вип. III. – М. : Госюриздат, 1944. – 200 с.

12. Судебная практика Верховного Суда СССР. – 1942. – Вып. I. – С. 4.

13. Генкин Д. М. История советского гражданского права / Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович. – М. : Юриздат, 1949. – С. 536.

14. Платонова О. Ф. О действии наследственного закона / О. Ф. Платонова // Наследственное право. – 2006. – № 1. – С. 21–23.

15. Кисіль В. І. Сучасне регулювання спадкових відносин у міжнародному приватному праві / В. І. Кисіль // Нариси з міжнародного приватного права. – Вип. 3. / за ред. А. М. Довгерта, О. М. Бірюкова. – К. : Алерта, 2014. – С. 229–268.

Печений О. П. Дія спадкового закону на проблемних територіях: конфлікт юрисдикцій.

Проаналізовано проблеми дії спадкового закону на територіях, що мають спірний правовий статус. З урахуванням положень міжнародно-правових документів, законодавства України та Російської Федерації висвітлено проблеми реалізації і захисту спадкових прав.

Ключеві слова: спадкове право; спадок, захист, спадкоємці.

Pechenyi O. P. Action of the inherited law on problem territories: conflict of jurisdictions.

The Department of Civil Law №1, Yaroslav the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine). In the article the problems of action of the inherited law are analysed on territories, having litigious legal status. Taking in accodians positions of international law documents, legislation of Ukraine and Russian Federation, the questions of realization and defence of the inherited rights are lighted up.

Key words: inherited right; inheritance; defence; heirs; creditors.